

ИРАКЛИЮ Кипшидзе всего 25. Однако он оформил уже с десятком драматических спектаклей, балетов, опер. И тут, естественно, возникают вопросы: когда же творчески формируется личность? Сколько лет необходимо для возмужания таланта? С чего начинается зрелость? Арифметическими подсчетами не ответить на эти вопросы, — не годы и возраст определяют талант и мощь художника. Мысль эта не очень новая. Но когда встречаешься в жизни с ее реальным воплощением, каждый раз если не удивительно, то во всяком случае очень приятно узнавать, что есть люди еще совсем молодые, еще совсем недавно — студенты, но тем не менее уже во весь голос заявившие о зрелости своего таланта.

К их числу принадлежит и Ираклий.

Его работы, даже самые ранние, студенческие, экспериментальные и, наконец, вполне взрослые, очень серьезные и оригинальные, поставленные на большой сцене в театрах Тбилиси и Гори, каждый раз обращали внимание законченностью форм и вдохновенностью мастерства.

Все произошло неожиданно. Именно случайность, как это ни банально звучит, сыграла решающую роль в приходе Ираклия в театр. С детства много рисуя, он давно выбрал себе дальнейший путь — в Академию художеств. Он проучился до IV курса, занимаясь в основном графикой и живописью. Как-то ранним осенним утром к нему зашел друг, начинающий режиссер Гия Антадзе, попросил помочь. Нужно было срочно оформить его курсовой спектакль «На дне». Так пришел в театр Ираклий Кипшидзе. Тот, кто видел этот студенческий, во многом еще незрелый спектакль, поражался верно переданному чувству безысходной мрачной тоски и отрешенности, чувству «дна». Декорации Ираклия были

очень простыми и в то же время очень характерными. Скупая, строгая цветовая гамма, основная мизансцена, разрешенная в черном бархате, громадные нависшие четыре балки, едва вырисовывающиеся норы и чуть заметный, косой про свет двери. Это — ночлежка. Дно, как оно представлялось молодому художнику. Выполненные с острой театральностью, декорации обращали на себя внимание специалистов.

Театр увлек Ираклия своей масштабностью, своей спецификой, требующей синтеза разнородных начал — музыки, актерской игры, живописи, хореографии, большими возможностями

явился и дипломным спектаклем, и заявкой на творчество, на звание художника, и первой серьезной пробой сил. Первой болью и счастьем. Первой большой победой.

Спектакль этот родился год назад и был приурочен к 150-летию со дня рождения Лермонтова. В работе над балетом Ираклию пришлось столкнуться с дилеммой: по какому пути идти? Либо слепо следовать за литературным источником и «проиллюстрировать» лермонтовскую поэму, либо, ломая застывшие каноны оперной сцены, найти свой путь.

Первые наброски. Заслони все, мрачно надвигает-

ной постановке Кипшидзе — «Миндия».

Если изобразительная речь «Мцыри» преломлялась сквозь конкретную призму лермонтовских строк, то за «Миндией» О. Тактакишвили стоял Вака с его философией и символикой, пантеизмом и лиричностью. На помощь пришла опять музыка. Музыка и цвет. Все чаще и чаще думает Ираклий о том, что они стоят совсем рядом, читает работы Скрябина, его проекты о цвето-музыке и слушает, слушает, слушает. А зрительно уже начинает вырисовываться будущий спектакль. Условная простота, строгий и наивный хевсурский орнамент, огромный станок для героев и целая теория красок от пурпурных и лазурных до розово-черных. Спектакль мыслится просто и условно. Как в античных зрелищах. Герои символически будут одеты в соответствующие цвета: Миндия — розовый, Чалхия — черный.

Станок будет акцентировать основное действие, возвышая его, давая для певцов, актеров широкие возможности выражения. Так мыслится спектакль. Так он и был в принципе разрешен.

В «Миндии» гармонично сочетаются устойчивые традиции классической оперы и важнейшие особенности современного спектакля с гибким и лаконичным выражением большой идеи добра и величия подвига.

Строгий, суровый колорит оперы, в зависимости от характера действия, был построен на контрастных, конфликтных цветах, придавая тревожную напряженность спектаклю. И в данном случае условность декораций, где превалировало действие и освещение, безусловно, оправдывала себя.

Сцена битвы — одна из самых значительных и изобразительных и в сценическом и в музыкальном отношении. Как справился с ней художник? Удивительно просто и характерно.

Ярким пурпуром пылает задник. Кровавые блики скользят по сцене. Фантастически мелькают огромные, увеличенные тени сражающихся. Четко, динамично и просто. Вот и весь бой. Такая условность в малом выражает большое. Такая условность не сбивает с толку зрителя, не уводит его от размышления, а заставляет думать.

Какими глазами художник смотрит на мир. Это очень важно. Он тяготеет к обобщенным романтическим образам, а это тяготение оба раза оправдалось.

Родились спектакли яркие, необычные, талантливые. Художнику необходима своя тема в искусстве. Только откровение делает творчество интересным и волнующим. Если человек говорит о своем страданном в искусстве, то это нужно и интересно всем.

Ираклий говорит об этом свежо и чисто.

КОГДА НАСТУПАЕТ ЗРЕЛОСТЬ?

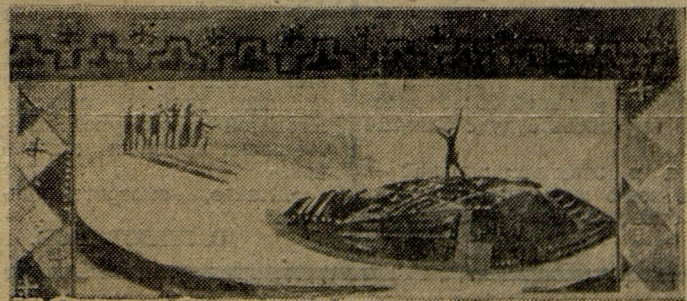
для осуществления самых фантастических проектов, самых смелых дерзаний.

И затем один за другим последовали заказы на оформление спектаклей в ТЮЗе и марджановском, опере и горийском театре. «Приключение Кроша» и «Стакан воды». «Я вижу солнце» и «Сон в летнюю ночь», «Вдова солдата» и «Мцыри», «Маленький человек» и «Миндия» — вот далеко не все спектакли, в которые Ираклий Кипшидзе внес много своего, потому что если режиссер «умирает» в актере, то художник «стирается» в декорации. Если это настоящий художник.

О «Мцыри» и «Миндия» разговор особый, так как постановки эти вышли за рамки очередных премьер. «Мцыри» одновременно

ся силуэт монастыря. Варианты, варианты. Наконец, отбросив литературную первооснову и либретто, вслушивается он в музыку А. Баланчивадзе. Тоскливые, тяжкие звуки. Мцыри мечется, задыхается в темнице. Слышен вопль отчаяния и непримиримости. В результате — новый эскиз. Огромные глыбы холодного камня. Они словно стремятся похоронить узника, раздробить своей массой. Зыбкий свет едва проходит сквозь решетчатое окно темницы и, рассеиваясь, тускло освещает Мцыри. Физическое и душевное заточение. «Мцыри» — балет лирико-психологический. Балет-поэма. Его характеризуют три основных мотива — воспоминание детства, вспыхнувшая любовь к прекрасной горянке и бой с барсом. Творчески переосмысливая тему, находя ей верное образное и сценическое воплощение, Ираклий Кипшидзе обращается к символам. Символам-характеристикам. Так появляется сожженное молнией, испепеленное огнем дерево. Страшны его надломленные, трагически изогнутые сучья, скрюченные ветви-пальцы. Дерево не выдержало натиска бури. Это дерево-образ — одна из самых удачных находок художника. Сцена побега, бой с барсом — драматическая вершина балета. Заставляя вступать в гармонию цвета, казалось бы, несопоставимые, акцентируя внимание на резких, выразительных движениях танцора, в пантомиме имитирующего бой с разъяренным животным, художник минимальным количеством деталей, мастерски варьируя освещение, передает напряженность и трагизм схватки за жизнь.

Цвет приобрел решающее значение и в другой круп-

Репродукции с эскизов оформления спектаклей «Мцыри» и «Миндия».